

Посмотрев на небо, Хуа Чжи решила не тратить время на разговоры и, натянув поводья, отправила лошадь в галоп. Медлить больше нельзя.

Она должна успеть вернуться до закрытия городских ворот.

Хуа Бай Линь, сжав руки в кулаки, побежал за ней. Мальчик очень беспокоился о своей старшей сестре. Неужели, это та самая Хуа Чжи, которая не желала выходить из дома даже для того, чтобы посетить излюбленный всеми девушками магазин румян, сейчас верхом на коне пытается догнать отца?

Хотя законы Дацина не отличались свободолобием, молодые девушки из знатных семей все же могли ездить верхом, но встретить на дороге несущуюся галопом барышню было чем-то неслыханным.

Из остановившейся на обочине кареты, откинув занавеску, вышел очень высокий и красивый мужчина. Прислушавшись к топоту конских копыт, он неосознанно повернул голову, показав шрам на правой щеке, тянущийся от уха до уголка рта. Как ни странно, шрам мужчину совершенно не портил, наоборот, добавлял мужественности его облику.

Разглядев всадника, он удивленно поднял брови.

- Господин, нам узнать, кто этот человек?

- Я не отвечаю за общественный порядок в столице.

Заметив, что женщина придержала коня, перед тем, как выехать на главную улицу, мужчина понял, что перед ним не обычный человек. Девушка прекрасно понимала, что делает. Такая не позволит придирается к себе по пустякам.

Главная улица города кишела людьми и повозками. Хуа Чжи с трудом сдерживала лошадь, ведь по главной улице скакать галопом могли только боевые кони. Даже принцы и знать не имели в этом вопросе никаких привилегий, что уж говорить о ней, женщине из семьи Хуа, чей дом только что был конфискован.

Терпеливо выдержав взгляды зевак, Хуа Чжи, наконец, покинула город и пустила коня во весь опор.

Как барышня из знатной семьи, она должна была дрожать от ужаса перед лицом перспективы выйти на люди. Вот только под личиной пятнадцатилетней девицы скрывалась взрослая душа из другого мира. Все эти годы она тщательно скрывала свою истинную натуру, играя роль благовоспитанной и послушной дочери.

Пусть Хуа Чжи и сосредоточилась на воспитании в себе манер подходящих барышне ее сословия, в глубине души она все еще оставалась крайне любознательным человеком. Она изучала музыку, шахматы, живопись, каллиграфию и прочитала бесчисленное множество книг. Она изучила все географические труды, что смогла достать. Ее любопытство охватывало самые дальние уголки империи Дацин. Карта империи, нарисованная ее дедом, была девушке прекрасно знакома.

Все маршруты, ведущие в северные земли, были прекрасно знакомы Хуа Чжи. Она знала, что заключенных могут вести только по официальной дороге, поэтому, следуя по этому пути, она должна их догнать.

Проскакав примерно две четверти часа, Хуа Чжи увидела впереди группу людей, отчетливо можно было различить заключенных, одетых лишь в нижние одежды и офицеров в военной форме.

Император Тайцзу, основавший династию Дацин изначально был простолюдином, восставшим против гнета и тирании прошлой династии. Законы, установленные им, были не так суровы, как в прошлом правлении. Самой популярной его мерой стала отмена практики наказания девяти поколений семьи.

Если чиновник совершал преступление, за это наказывали только ближайших родственников, семьи замужних дочерей считались непричастными.

Возьмем, к примеру, семью Хуа, которая подверглась изгнанию. Сосланы были только главная и три побочные ветви семьи: родной брат ее деда с семьей, его же брат, рожденный от наложницы и кузен деда. Всего насчитывалось пятьдесят четыре изгнанника, а также несколько верных слуг, которые узнав о выпавших на долю их господина испытаниях, захотели отправиться в ссылку вместе с ним.

Подъехав поближе, Хуа Чжи увидела, что дедушка и остальные изгнанники закованы в кандалы. От этого сердце девушки болезненно сжалось – ее дедушка, менявший одеяние при возникновении малейшей складочки – как он мог перенести такое унижение?

Цокот копыт привлек внимание конвоиров. Возглавляющий конвой офицер, подняв руку, остановил колонну и, выехав вперед, спросил:

- Кто идет?

Офицер притворился удивленным, хотя уже догадался, кто эта девушка по навьюченным на лошадь сумкам. В такие моменты чиновники могли неплохо заработать. Все семьи надеялись, что их близкие доберутся до места ссылки в целостности и сохранности. Даже в разбитой лодке три тысячи гвоздей, что уж говорить о такой богатой и знатной семье, как Хуа.

Хуа Чжи, спешившись, со всем возможным почтением вручила офицеру сверток:

- Я из семьи Хуа, позвольте в благодарность за тяжелый труд, вручить Вам немного еды. Это скрасит долгую дорогу.

Чиновник, взяв сверток в руки, прикинул его вес, а затем довольно кивнул:

- Я любезно приму дар. У вас есть время ровно на одну палочку благовоний[1].

[1] Время, за которое сгорает палочка благовоний – примерно полчаса.

-Эта простолюдинка благодарит офицера.

Подводя лошадь к членам семьи, Хуа Чжи была встречена удивленными взглядами. Все они с нетерпением ждали прибытия кого-нибудь из семьи, но никто не ожидал, что этим человеком окажется скромная старшая внучка из главной ветви.

Ее отец, Хуа Пинъю, слегка покашляв, чтобы прочистить горло, спросил:

- Чжи'эр, почему ты здесь?

- Кто-то должен был прийти, - ответила Хуа Чжи, спокойно передавая свертки один за другим.

Из главной ветви сосланными оказались десять человек. Отдавая сумку четвертому дяде, она, схватив его за руку, незаметно коснулась определенной части свертка, дядя понимающе кивнул.

Пятнадцати лет оказалось вполне достаточно, чтобы понять характеры членов своей семьи. Ее отец и третий дядя были типичными учеными, всегда следовавшими за дедом. Вторым дядей, рожденный наложницей, не имел легитимного статуса, не мог стать чиновником, и талантами никогда не блистал.

А вот ее четвертый дядя сильно отличался. В вопросах ума и сообразительности, ни отец, ни третий дядя сравниться с ним не могли. Когда изгнанники доберутся до северных земель, именно на него возлагала все свои надежды Хуа Чжи.

- В северных землях так холодно, поэтому я принесла теплые наколенники и нарукавники, а также зимнюю одежду. Матушка, вторая и третья тети очень торопились, чтобы сшить их. Вот только, если одежда намокнет, то уже не будет такой теплой. Поносите ее некоторое время прежде, чем стирать, - посоветовала Хуа Чжи.

В семье Хуа дураков отродясь не водилось, поэтому все понимающе кивнули.

- Вдовствующая императрица спасла нас. С остальными членами семьи все в порядке, но нам пришлось покинуть поместье. Теперь мы живем в доме на юге города, - взглянув на стоящего неподалеку чиновника, Хуа Чжи тихо спросила, - Дедушка, за что тебя осудили?

- Чжи'эр, не спрашивай о делах при дворе...

- Если она хочет знать, я расскажу, - прервал старшего сына дедушка, тихо прошептав:

- Император не желает назначать наследника, и два принца ведут борьбу, что вредит всей стране. Я не мог не высказаться, удар по ветру[2] вызвал гнев императора, вот и все.

[2]Ударить по ветру – рискнуть, не беспокоясь о последствиях.

Вздохнув с облегчением, Хуа Чжи сказала:

- Тогда все в порядке. Дедушка, ты просто разозлил императора, позже тебе представится шанс искупить свою вину. Когда прибудешь на север, не бойся тратить деньги. Не тревожься о том, что их не хватит, я смогу заработать достаточно. Самое главное, ты должен позаботиться о себе. Пообещай мне.

Хоть это и был самый сложный момент в его жизни Хуа И Чжэн, улыбнувшись, сказал:

- У этого старика всегда был зоркий глаз, верно?

У Хуа Чжи засвербело в носу, а глаза резко покраснели. Дедушка всегда выделял ее среди множества братьев и сестер, всегда брал с собой, чтобы с самого детства лично обучать Хуа Чжи. Шаг за шагом он учил внучку писать и читать, занимался с ней шахматами, каллиграфией, музыкой и рисованием. Хуа Чжи всегда считала, что очень хорошо скрывалась и, точно никогда не показывала лисьего хвоста[3]. Она и сама не понимала, почему дедушка относился к ней иначе.

[3] Лисий хвост не спрячешь, лису-оборотня выдает хвост – все тайное становится явным.

Лишь теперь она поняла, что как бы ни старалась вести себя по-детски, взрослый человек никогда не сможет думать, как ребенок. Когда следовало бояться, она не выказывала страха. Когда нужно было удивляться, оставалась невозмутимой. Если наступало время радоваться – она и тут не проявляла должных эмоций.

Как же мог такой мудрый человек, как ее дедушка, не заметить этих отличий.

- Дедушка, я тебя не подведу.

Хуа И Чжэн, похлопав внуку по плечу, сказал:

- Позаботься о нашей семье, я боюсь, что твоей бабушке будет нелегко принять случившееся.

- Я знаю, не волнуйся.

Глядя на членов побочных ветвей семьи, стоящих неподалеку, он произнес:

- Помоги и их семьям, если сможешь. Они пострадали из-за меня.

- Хорошо.

Хуа И Чжэн ушел, больше ничего не сказав.

<http://tl.rulate.ru/book/120972/5070264>